

Ованес Акопян

**МАРСИЛИО ФИЧИНО, НЕОПЛАТОНИЗМ/ГЕРМЕТИЗМ
И ИКОНОЛОГИЯ: К ВОПРОСУ О СЛОЖИВШИХСЯ
СТЕРЕОТИПАХ**

Культура эпохи Возрождения по-прежнему окутана многочисленными мифами. С одной стороны, этому способствует стандартизированное представление о Ренессансе как времени победы разума, науки и искусств над суевериями. С другой стороны, приходится слышать, что Ренессанс будто бы не создал ничего принципиально нового, а все его достижения можно с легкостью обнаружить в средневековой культуре. И если второе следует считать попыткой – несколько наивной – повысить интерес к Средневековью, то первая точка зрения уже глубоко укоренена в общественном сознании. Эта статья будет посвящена одному из таких мифов о ренессансной культуре, жертвой которого оказался Марсилио Фичино (1433–1499).

Первый переводчик Платона и Плотина на латинский язык и крупнейший мыслитель второй половины XV века, Фичино, несомненно, занимал исключительное положение в ренессансной философии, что не могло не сказаться на многообразии последующих интерпретаций его наследия и, как мне видится, заметном его искажении¹. В последние годы было сделано многое для того, чтобы вернуться к «подлинному» Фичино, не отягощенному грузом многочисленных комментариев, которые нередко

¹ Биографию и общий обзор творчества Фичино см. в: *Marcel R. Marsile Ficino (1433–1499)*.

Paris: Les belles lettres, 1958. О судьбе текстов и наследия Фичино: *Kristeller P.O. Marsilio Ficino and his Work after Five Hundred Years // Marsilio Ficino e il ritorno di Platone. Studi e documenti*. 2 vols / A cura di G.C. Garfagnini. Firenze: Olschki, 1986. Vol. 1. P. 15–196.

На русском языке см. прежде всего книгу О.Ф. Кудрявцева, которая может служить хорошим введением в проблематику ренессансной мысли второй половины XV века: *Кудрявцев О.Ф. Флорентийская Платоновская Академия. Очерк истории духовной жизни ренессансной Италии*. М.: Наука, 2008.

затуманивают его собственную мысль¹; но давно сложившиеся стереотипы кажутся трудноискоренимыми. Отдельная сложность связана с тем, что в исследовательской литературе многие явления интеллектуальной культуры Ренессанса традиционно – и часто ошибочно – возводят к Фичино; ссылка на его сочинения становится своего рода признаком хорошего тона, благо широта интересов Фичино, внушительная *Opera omnia* и качественные и доступные современные издания многих его сочинений располагают к поискам нужной цитаты². Правда, нетрудно заметить, что такие отсылки обычно служат для того, чтобы придать дополнительный вес аргументам того или иного исследователя, но полностью оторваны от самой мысли Фичино и сложнейшего контекста флорентийской интеллектуальной культуры второй половины XV века. Автор этих строк неоднократно сталкивался с примерами такого поверхностного интереса к трудам Фичино³. Пожалуй, хрестоматийным следует считать популярное и широко тиражируемое представление о «достоинстве человека», которое в действительности никогда не было центральной темой философии Фичино и его младшего современника Джованни Пико делла Мирандола (1463–1494), однако хорошо ложится на современные воззрения о так называемом «ренессансном гуманизме»⁴.

¹ Важную роль в этом сыграло несколько сборников, опубликованных в последние 15 лет: Marsilio Ficino: his Theology, his Philosophy, his Legacy / Ed. M.J.B. Allen and V. Rees, M. Davies. Leiden; Boston; Köln: Brill, 2002; Marsilio Ficino: fonti, testi, fortuna / A cura di S. Toussaint e S. Gentile. Roma: Edizioni di storia e letteratura, 2006; Laus Platonici Philosophi. Marsilio Ficino and his Influence / Ed. S. Clucas, P.J. Forshaw and V. Rees. Leiden; Boston: Brill, 2011. Кроме того, на ежегодной конференции Ренессансного общества Америки на протяжении многих последних лет Валери Рис организывает сессии, посвященные творчеству Фичино. Она же в данный момент готовит к печати «Companion to Marsilio Ficino», который будет опубликован в издательстве «Brill».

² *Ficino M. Marsilii Ficini florentini, insignis philosophi platonici, medici atque theologi clarissimi opera, in duos tomos digesta.* Basileae: ex officina Henricpetrina, 1576. Из последних современных изданий сочинений Фичино см.: *Idem. Platonic Theology.* 6 vols / Trans. M.J.B. Allen, J. Warden. Latin text ed. J. Hankins, W. Bowen. Cambridge, MA; London: Harvard University Press, 2001–2006; *idem. Commentaries on Plato. Vol. 1. Phaedrus and Ion* / Ed. M.J.B. Allen. Cambridge, MA; London: Harvard University Press, 2008; *idem. Teologia platonica* / A cura di E. Vitale. Milano: Bompiani, 2011; *idem. Commentaries on Plato. Vol. 2. Parmenides.* 2 vols / Ed. M. Vanhaelen. Cambridge, MA; London: Harvard University Press, 2012.

³ Такие примеры многочисленны. Показательны следующие работы: *Ямпольский М.Б.* Ткач и визионер. Очерки истории репрезентации, или О материальном и идеальном в культуре. М.: НЛО, 2007; *Марков А.В.* Исихастское искусство толкования и ренессансный филолог Кристофоро Ландино // Правда. Память. Примирение. XV международные Успенские чтения. Киев: Дух і Літера, 2017. С. 201–213.

⁴ Об этом: *Copenhaver B. Secret of Pico's Oratio: Cabala and Renaissance Philosophy* // Midwest Studies in Philosophy. 26. 2002. P. 56–81; *Акопян О.Л.* Что такое «гуманизм»? От Ренессанса к современности // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. 45. 2014. С. 117–130; *Он же.* Ренессансная магия как духовное явление (на примере текстов конца XV–начала XVI вв.) // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. 57. 2016. С. 76–92.

В этой статье мы остановимся на трех других вопросах. Прежде всего, речь пойдет о якобы существовавшей во Флоренции Платоновской академии, во главе которой стоял Фичино. Кроме того, мы рассмотрим чрезвычайно влиятельную точку зрения Ф.А. Йейтс о доминанте герметической философии в трудах целого ряда ренессансных мыслителей, от Фичино до Джордано Бруно. Наконец, мы коснемся того особого, но противоречивого места в истории ренессансного искусства и эстетики, которое традиционно отводится Фичино с первой половины – середины XX века. Как будет показано ниже, к становлению этих историографических казусов приложили руку представители школы Аби Варбурга и сотрудники Института Варбурга, либо исследователи, работавшие с ними в тесном научном контакте. Можно допустить, что долговечность этих стереотипов обусловлена влиятельностью тех, кто стоял у истоков их возникновения. Тем не менее пришла пора покончить с этими мифами. Как кажется, это позволит не только взглянуть на ренессансную культуру второй половины XV века свежим взглядом, но и будет способствовать некоторой реабилитации самого Марсилио Фичино – фигуры куда более интересной, чем мы обыкновенно думаем.

Отвечая на первый вопрос – о Флорентийской Платоновской академии, – можно смело сказать, что в действительности ее никогда не существовало. В знаменитом введении к своему переводу «Эннеад» Плотина Фичино замечает, что Георгий Гемист Плифон, прибыв в составе византийской делегации на Ферраро-Флорентийский Собор, произвел неизгладимое впечатление на европейских гуманистов и будто бы сподвиг Козимо Медичи возродить Платоновскую Академию¹. С этого момента начинаются бесконечные споры о том, как следует понимать эти слова Фичино². Согласно весьма распространенному мнению, вокруг Фичино образовалась целая группа мыслителей, объединенная любовью к философии Платона. В нее будто бы входили Кристофоро Ландино, Анджело Полициано, Джованни Пико делла Мирандола и многие другие видные фигуры в интеллектуальной жизни Флоренции второй половины XV века. Но последние исследования убедительно показывают, что никакого круга единомышленников Фичино не было. Двое его младших и, пожалуй, самых знаменитых современника – Анджело Полициано и Джованни Пико

¹ Marsilii Ficini florentini in Plotini epitomae // Marsilii Ficini opera. P. 1537.

² Две точки зрения по этому вопросу: *Hankins J.* The Myth of the Platonic Academy of Florence // *Renaissance Quarterly*. 44. 3. 1991. P. 429–475; *Idem.* Cosimo de' Medici and the 'Platonic Academy' // *Journal of the Warburg and Courtauld Institutes*. 53. 1990. P. 144–162; *Field A.* The Platonic Academy of Florence // *Marsilio Ficino: his Theology, his Philosophy, his Legacy*. P. 359–376. О возрождении Платона см. также: *Hankins J.* La riscoperta di Platone nel Rinascimento italiano. Pisa: Edizioni della Normale, 2009 (первое, двухтомное издание на английском языке – 1990 года); *Акопян О.Л.* Платон и Ренессанс: «древняя теология» и примирение с Аристотелем // Платоновский сборник (Приложение к Вестнику Русской христианской гуманитарной академии). 2 тома / Под ред. И.А. Протопоповой и др. М., СПб.: РГГУ – РХГА, 2013. Т. 2. С. 320–340.

дела Мирандола – неоднократно открыто критиковали Фичино¹. Более того, точка зрения, будто все флорентийские мыслители испытывали пиетет перед авторитетом Платона, вызывает серьезные сомнения. Так, хотя в своем первом полноценном философском сочинении «Комментарий к “Канцоне о любви” Джироламо Бенивьени» Джованни Пико дела Мирандола, несомненно, ориентируется на неоплатоническую традицию², впоследствии он избирает другой путь: своей задачей, особенно на раннем этапе творчества, он видит соединение всех философских и теологических учений под эгидой христианства³. В этом контексте Платон и неоплатоники становятся важным, но лишь одним из источников. В более поздних сочинениях Пико Платон постепенно отходит на второй план: если в трактате «О Сущем и Едином» Пико еще касается того, как последователи Платона искажали его мысль⁴, то уже в «Рассуждениях против прорицательной астрологии» Платону, в отличие, например, от Аристотеля, не уделено никакого специального внимания⁵. Поэтому клеймо убежденного «ренессансного неоплатоника» к Джованни Пико неприменимо – он никогда им не был.

Расхожее мнение о том, что члены Академии собирались на регулярные симпозиумы для обсуждения насущных философских проблем, также

¹ De Pace A. *La scepsi, il sapere e l'anima. Dissonanze nella cerchia laurenziana*. Milano: LED, 2002.

² Пико дела Мирандола Дж. Комментарий к «Канцоне о любви» Дж. Бенивьени / Пер. Л.М. Брагиной // Эстетика Ренессанса / Под ред. В.П. Шестакова. Т. 1. М.: Искусство, 1981. С. 266–299; Aasdalen U.I. *The First Pico-Ficino Controversy // Laus Platonici Philosophi. Marsilio Ficino and His Influence*. P. 67–88; Allen M.J.B. *The Birth Day of Venus: Pico as Platonic Exegete in the Commento and the Heptaplus // Pico della Mirandola: New Essays / Ed. M.V. Dougherty. Cambridge: Cambridge University Press, 2008. P. 81–113.*

³ Это нашло отражение в главном труде раннего этапа творчества Пико – «900 Тезисах»: Farmer S.A. *Syncretism in the West: Pico's 900 Theses (1486): the Evolution of Traditional Religious and Philosophical System*. Tempe, AZ: Medieval and Renaissance Texts and Studies, 1998.

⁴ Два лучших издания этого труда: Toussaint S. *L'esprit du Quattrocento. Le De Ente et Uno de Pico de la Mirandole*. Paris: Champion, 1995; Pico della Mirandola G. *Dell'Ente e dell'Uno / A cura di R. Ebgi con la collaborazione di F. Vacchelli*. Milano: Bompiani, 2010. Существует также русский перевод: Пико дела Мирандола Дж. О Сущем и Едином. К Анджело Полициано / Пер. О.Ф. Кудрявцева // Сочинения итальянских гуманистов эпохи Возрождения (XV век) / Под ред. Л.М. Брагиной. М.: МГУ, 1985. С. 263–280. «О Сущем и Едином» содержал критические выпады в адрес Марсилио Фичино. Последний не остался в стороне и решил ответить своему младшему товарищу в комментарии на «Парменида» Платона. Об этом: Vanhaelen M. *The Pico – Ficino Controversy: New Evidence in Ficino's Commentary on Plato's Parmenides // Rinascimento*. 49. 2009. P. 1–39.

⁵ Об этом подробно: Back to Aristotle? Light, Matter, and Celestial Spheres in Giovanni Pico della Mirandola's *Disputationes adversus astrologiam divinatricem // Anti-Astrology in Early Modern Europe: between Philosophy, Theology, and Science / Ed. O. Akopyan and C. Burnett*. London; New York: Routledge, 2018 (в печати). См. также: Акопян О.Л. Споры об астрологии в ренессансной мысли второй половины XV – начала XVI века. Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. М.: МГУ, 2014, особенно с. 271–312.

не подтверждено источниками. Из писем самого Фичино нам известно о двух таких возможных встречах, которые пришлось на осень 1468 года. И если первую из них, в доме Франческо Бандини во Флоренции, Фичино описывает как разговор с тремя своими учениками-«академиками», то своих товарищей, собравшихся на вилле Кареджи, уподобляет участникам платоновского «Пира»¹. Эта ремарка имела серьезные историографические последствия: на ее основе было выдвинуто предположение, что «Комментарий на “Пир” Платона» (1469) Фичино был вдохновлен действительно состоявшимся пиром. Несмотря на очевидную привлекательность такой интерпретации, вероятнее всего, слова Фичино – лишь художественный прием, никоим образом не отражающий историческую реальность². Разумеется, Фичино мог обсуждать платоновскую философию частным образом с кем-то из своего окружения, например с Лоренцо де' Медичи, и даже некоторое время преподавал ее³ – но это не отменяет того факта, что общих собраний Платоновская академия никогда не проводила. Наконец, не выдерживает никакой критики распространенная легенда о том, что Фичино будто бы зажигал лампадку перед бюстом Платона, тем самым воздавая должное величию древнегреческого философа⁴.

Наконец, сам миф о том, что во Флоренции существовала Платоновская академия, имел ярко выраженную политическую окраску. Сперва Козимо Медичи, а в первой половине XVI века вернувшиеся обратно во Флоренцию его потомки путем прославления города стремились поднять собственный престиж – звание культурной столицы итальянского и европейского Возрождения было вполне достойной заявкой⁵. Сам же

¹ Фичино М. Комментарий на «Пир» Платона, о Любви / Пер. А. Горфункеля, В. Мажуги, И. Черняка // Эстетика Ренессанса. Т. 1. С. 144; *Hankins J. The Myth of the Platonic Academy of Florence*. P. 446.

² *Gentile S. Per la storia del testo del Commentarium in Convivium di Marsilio Ficino* // *Rinascimento*. 21. 1981. P. 3–27 (особенно p. 10–11).

³ *Davies J. Marsilio Ficino: Lecturer at the Studio fiorentino* // *Renaissance Quarterly*. 45. 4. 1992. P. 785–790.

⁴ К возникновению мифа о лампаде приложили руку сторонники Джироламо Савонаролы, который резко осуждал языческие увлечения флорентийских интеллектуалов второй половины XV века. Таким образом, эта легенда отражает не столько действительный исторический факт, сколько перипетии политической и идеологической борьбы, развернувшейся во Флоренции после 1492 года: *Della Torre A. Storia dell'Accademia platonica di Firenze*. Firenze: Carnesecchi, 1902. P. 640; *Marcel R. Marsile Ficin (1433–1499)*. P. 293–294. Весь спектр наиболее распространенных мифов о Фичино и флорентийском неоплатонизме можно найти в: *Горфункель А.Х. Философия эпохи Возрождения*. М.: Высшая школа, 1980. С. 77–81. Потом они неоднократно повторялись в других книгах, статьях и учебных пособиях.

⁵ *Hankins J. The Invention of the Platonic Academy of Florence* // *Idem. Humanism and Platonism in the Italian Renaissance*. 2 vols. Vol. II. Platonism. Roma: Edizioni di storia e letteratura, 2004. P. 350–395 (особенно p. 368–371); *Idem. The Platonic Academy of Florence and Renaissance Historiography* // *Forme del neoplatonismo. Dall' eredità ficiniana ai platonici di Cambridge* / A cura di L. Simonutti. Firenze: Olschki, 2007. P. 75–96 (особенно p. 78–81).

Фичино, говоря об «академии», настаивал на том, что Флоренция – пусть и важное, но всего лишь звено в сохранении наследия Платона, а он, будучи ответственным за перенос оригинального Платона на западноевропейскую почву, продолжает дело своих предшественников, в первую очередь, Плифона, чьи труды были хорошо известны Фичино¹. Таким образом, «академию» Фичино следует понимать не как сложившуюся институцию или «клуб ученых», но лишь как метафору платонической философии.

Тем не менее образ Академии унифицировал интеллектуальную жизнь ренессансной Флоренции и, следовательно, оказался чрезвычайно удобным и живучим как в учебной, так и в исследовательской литературе. Впервые высказанный еще «старорежимным» итальянским историком Арнальдо делла Торре², миф об Академии нашел поддержку в Италии и за ее пределами. В Италии по настойчивой просьбе фашистского куратора гуманитарных наук Эрнесто Грасси Эудженио Гарэн и его коллеги должны были сперва воссоздавать языческий миф итальянского государства, а затем, после падения режима Муссолини, эти же историки переоделись в коммунистические одежды и обратились к «ренессансному гуманизму», понимаемому в соответствии с новыми идеологическими установками³.

Академия нашла сторонников вне Италии – руку к этому приложили сперва Эрнст Кассирер, близкий к кругу Аби Варбурга, а затем Эрвин Паннофский и Андре Шастель. Конструируемое ими единообразие во флорентийской мысли второй половины XV века было вплетено в другие стереотипы об эпохе Возрождения. Так, «Индивид и космос» Кассирера стал важнейшим этапом в становлении представления о достоинстве ренессансного человека⁴. Этот труд, столь ярко отражающий гуманистические устремления германского интеллектуала послевоенного периода, не под-

¹ В Библиотеке Риккардиана находится рукопись сочинений Плифона, которую Фичино внимательным образом изучал: *Tambrun B.* Marsile Ficin et le Commentaire de Pléthon sur les "Oracles Chaldaïques" // *Accademia (Revue de la Société Marsile Ficin)*. 1. 1999. P. 14. *Kristeller P.O.* Marsilio Ficino and his Work after Five Hundred Years. P. 97–98. В целом, о влиянии Плифона на Фичино: *Klutstein I.* Marsile Ficin et la théologie ancienne. Oracles Chaldaïques, Hymnes Orphiques, Hymnes de Proclus. Firenze: Olschki, 1987; *Marsilio Ficino e il ritorno di Platone / A cura di S. Gentile, P. Viti et al.* Firenze: Le Lettere, 1984. P. 25–27; *Tambrun B.* Ficin, Pléthon et les mages disciples de Zoroastre // *Marsile Ficin: les platonismes à la Renaissance / Éd. P. Magnard.* Paris: Vrin, 2001. P. 169–180; *Idem.* Pléthon. Le retour de Platon. Paris: Vrin, 2006. P. 241–259.

² См. выше сноску 4 на с. 115.

³ *Акопян О.Л.* Что такое «гуманизм»? От Ренессанса к современности. С. 119–120. О разных подходах к интерпретации ренессансного гуманизма см.: *Hankins J.* Two Twentieth-Century Interpreters of Renaissance Humanism: Eugenio Garin and Paul Oskar Kristeller // *Idem.* Humanism and Platonism in the Italian Renaissance. 2 vols. Vol. I. Humanism. Roma: Edizioni di storia e letteratura, 2003. P. 573–590; *Fubini R.* L'umanesimo italiano. Problemi e studi di ieri e di oggi // *Studi francesi.* 51. 3. 2007. P. 504–515; *Toussaint S.* Humanismes / Antihumanismes. De Ficin à Heidegger. Т. 1. Paris: Les belles lettres, 2008.

⁴ *Кассирер Э.* Индивид и космос в философии Возрождения. М.: Университетская книга, 2000 (немецкое издание 1927 года).

разумевал самой возможности того, что ренессансная мысль этого периода разрозненна и противоречива. Триада Николай Кузанский – Марсилио Фичино – Джованни Пико делла Мирандола оказывается у Кассирера носителем новых взглядов о месте человека в мире – даром что последние двое, вероятнее всего, не знали творчества первого¹. Вписанный в споры о сущности «гуманизма» второй половины XIX и первой половины XX века, «Инвидид и космос» остается важнейшим памятником своей эпохи – но его ценность для исследователей Ренессанса может быть поставлена под сомнение.

Эрвин Панофский пошел несколько иным путем. В вышедшей в 1924 году и ставшей классической работе «Idea. К истории понятия в теориях искусства от Античности до классицизма» Панофский пришел к выводу, что Фичино оставался чистым теоретиком искусства². Разграничивая идеальную красоту и собственно «искусства», Панофский заключает, что Фичино, верный последователь Платона и Плотина, никогда не интересовался вторыми, то есть собственно искусствами – *artes*. По мнению Панофского, Фичино не мог пройти мимо известной максимы Платона о том, что художнику нет места в идеальном государстве. В концепции Панофского, Фичино – проповедник нового для эпохи Возрождения идеала красоты и сторонник представления о проекции всеильного и прекраснейшего Единого в этом, нашем мире, но одновременно противник «техне», практического искусства. Говоря о теоретической ограниченности мысли Фичино, Панофский противопоставляет ему Альберти, пришедшего к своему идеалу красоты не только благодаря философским штудиям, но также через практическое знание – математику и прикладные искусства³. Тем не менее Панофский заключает, что эстетика Фичино, изложенная преимущественно в его «Комментарии на “Пир” Платона, о Любви», нашла многочисленных продолжателей и отразилась в целом ряде произведений изобразительного искусства второй половины XV–XVI века.

Это неоплатонизирующее прочтение *ars* у Фичино было быстро подхвачено другими исследователями: достаточно вспомнить, сколько работ посвящено влиянию неоплатонической философии Фичино, в частности его теории любви, на культуру и искусство эпохи Возрождения.

¹ Несмотря на то, что Фичино испытывал интерес к ряду текстов, некогда занимавших Кузанца, в частности, к трудам Прокла и Псевдо-Дионисия Ареопагита, он никогда, ни в одном своем сочинении не ссылался на Николая. Предположительное сходство отдельных пассажей в сочинениях Кузанца и Фичино – всего лишь гипотеза ряда исследователей, не подкрепленная никакими данными. Ни одного упоминания Кузанца также нет в трудах Джованни Пико делла Мирандола. Кроме того, судя по сохранившемуся инвентарю, книг Кузанца по всей видимости не было и в личной библиотеке Пико.

² Панофски Э. *Idea. К истории понятия в теориях искусства от Античности до классицизма* / Пер. Ю.Н. Попова. СПб.: Андрей Наследников, 2002.

³ Там же. С. 50–58. О критике подхода Панофского и двух взглядах на *ars* у Фичино см. также: *Toussaint S. L'ars de Marsile Ficin, entre esthétique et magie // L'art de la Renaissance: entre science et magie* / Éd. P. Morel. Paris: Somogy, 2006. P. 453–467.

Сам Панофский продолжил разрабатывать эти темы, что отразилось в его последующих публикациях, например в «Этюдах об иконологии» (1939)¹. В анализе мысли Фичино Панофский, несомненно, опирался на исследования своего знакомого Пауля Оскара Кристеллера. Некоторая нестыковка в хронологии не должна вводить в заблуждение: хотя «Философия Марсилио Фичино» Кристеллера была опубликована только в 1943 году, ее первая рукопись на немецком языке была готова уже к 1937 году, но в силу понятных причин немецкий еврей Кристеллер, бежавший из Германии после прихода Гитлера, не мог издать свою книгу и потому в 1938 году подготовил ее итальянский вариант; однако после того, как в 1939 году начались преследования евреев в Италии, Кристеллер спешно переехал в Америку, где наконец нашел возможность опубликовать свое фундаментальное исследование². В отличие от своего коллеги, который показал большое влияние схоластики и Фомы Аквинского на мысль Фичино, Панофский не считал средневековые черты наследия Фичино достойными особенного внимания: в «Этюдах об иконологии» акцент по-прежнему сделан на платоновском, а вернее даже платиновском элементе и теоретическом характере *ars*.

В противовес «умеренному» варбургянцу Панофскому вторая интерпретация «искусства» у Фичино предлагает радикальным образом пересмотреть вопрос о «техне» и отказаться от образа Фичино – теоретика неоплатонической красоты. У ее истоков стояла целая группа ученых, судьбы которых переплелись с Институтом Варбурга в Лондоне. Их подход был бы мил сердцу основателя Института: согласно их точке зрения, *ars* Фичино связана с натуральной магией и нужна для того, чтобы усмирить и поглотить демоническое начало и тем самым преобразовать первоначальный хаос в космос. В отличие от Панофского и его последователей, которые центральным текстом эстетической программы Фичино избирают «Комментарии на “Пир” Платона, о Любви», противоположная им группа варбургянцев базирует свое прочтение *ars* на хорошо известных пассажах из трактата Фичино «О жизни», в особенности из третьей его книги «О стяжании жизни с небес», опубликованной в 1489 году. В частности, в своей знаменитой книге о герметической традиции и Джордано Бруно особое внимание этому трактату уделила Ф.А. Йейтс³.

¹ Панофский Э. Этюды по иконологии. Гуманистические темы в искусстве Возрождения. СПб.: Азбука, 2009.

² Последнее переиздание этой работы: *Kristeller P.O. Il pensiero filosofico di Marsilio Ficino*. Firenze: Le Lettere, 2005. О сложном пути Кристеллера: *Monfasani J. Paul Oskar Kristeller, 22 May 1905–7 June 1999 // Proceedings of the American Philosophical Society*. 145. 2. 2001. P. 208–211; *Kristeller P.O., King M.L. Iter Kristellerianum: The European Journey (1905–1939) // Renaissance Quarterly*. 47. 4. 1994. P. 907–929.

³ *Yates F.A. Giordano Bruno and the Hermetic Tradition*. London: Routledge, 1964. Русский перевод этой знаменитой книги: *Йейтс Ф.А. Джордано Бруно и герметическая традиция / Пер. Г.М. Дашевского. М.: НЛО, 2000.*

Ars Фичино получает техническое измерение из-за того, что невозможно без производства тех самых «устройств», через которые осуществляется стяжание жизни, то есть талисманов. Другим применением искусства для привлечения позитивных небесных влияний оказывается музыка¹; в последнем случае Фичино, несомненно, наследует орфической традиции: нам хорошо известно, что некоторые сочинения, приписывавшиеся легендарному «древнему теологу» Орфею, Фичино переводил, но по разным причинам не решился опубликовать². Вторым важным источником музыкальных интересов Фичино стал «Тимей» Платона, к которому флорентиец написал обширный комментарий. В нем Фичино особо акцентировал целительное воздействие музыки на человеческую душу и связь музыкальной структуры с устройством мироздания³. Существует легенда, что в особенно трудные и важные мгновения Фичино сам начинал играть на музыкальных инструментах, прежде всего на лире, в надежде склонить небесные влияния в нужную сторону. С талисманами дело обстоит сходным образом, хотя в данном случае Фичино вряд ли предстает новатором, ведь опирается на богатую средневековую традицию⁴. Фичино объясняет причину, по которой художник берется за создание своего произведения, – это *artifex interior*, внутренний импульс, соотносящийся с божественным началом и творящий через и извне художника⁵. С помощью этого причудливого образа Фичино удается, с одной стороны, объяснить сущность творческого процесса, с другой – раскрыть художественное

¹ О магической музыке Фичино: Walker D.P. *Spiritual and Demonic Magic from Ficino to Campanella*. University Park, Pennsylvania: The Pennsylvania State University Press, 2000, особенно п. 3–29; Toussaint S. *Quasi lyra: corde e magia. Nota sulla lira nel Rinascimento // Il teatro del cielo. Giovanni Bardi e il neoplatonismo tra Firenze e Parigi (Cahiers d'Accademia. IV) / A cura di A. Magini e S. Toussaint*. Lucca: San Marco Litotipo, 2001; P. 117–132. Voss A. *Orpheus redivivus: the Musical Magic of Marsilio Ficino // Marsilio Ficino: his Theology, his Philosophy, his Legacy*. P. 227–241; Prins J. *Echoes of an Invisible World: Marsilio Ficino and Francesco Patrizi on Cosmic Order and Music Theory*. Leiden: Brill, 2015.

² В 1462 году Фичино решил перевести «Орфические гимны», но свой перевод он так и не издал. Считается, что причиной тому стала критика орфической магии, направленная Георгием Трапезундским в адрес Плифона в «Сопоставлении философов Платона и Аристотеля». Кажется вероятным, что еще молодой Фичино, зная об этом, не хотел оказаться в оппозиции к более влиятельному мыслителю: Walker D.P. *Orpheus the Theologian and Renaissance Platonists // Journal of the Warburg and Courtauld Institutes*. 16. 1–2. 1953. P. 100–120 (особенно п. 107–109).

³ Критического издания комментария Фичино к «Тимею» Платона все еще нет. Насколько мне известно, в рамках проекта по изданию наиболее значимых текстов итальянского Возрождения «I Tatti Renaissance Library» первую современную публикацию трактата Фичино готовит Якомин Принс. Вероятнее всего, двухтомное издание будет готово в 2018 году.

⁴ Weill-Parot N. *Les "images astrologiques" au Moyen Age et à la Renaissance. Spéculations intellectuelles et pratiques magiques (XII–XV siècles)*. Paris: Champion, 2002.

⁵ Теоретическое обоснование этому дано в: *Ficino M. Platonic Theology*. Vol. 4. XIII. 3. P. 168–182. См. также: Toussaint S. *L'ars de Marsile Ficin, entre esthétique et magie*. P. 457–460.

«техне» через создание талисманов и орфическую музыку. Натуральная магия Фичино, изложенная в трактате «О жизни», стала темой исследований не только Йейтс, но и других ученых, например ее коллеги по Институту Варбурга Д.П. Уокера; и хотя в последние годы концепцию Йейтс – Уокера нередко критиковали, она по-прежнему остается популярной.

Таким образом, в зависимости от академических предпочтений *ars* у Фичино может пониматься двояко: это либо неоплатоническая интерпретация прекрасного, о которой говорит более рациональный Панофский, либо магическое искусство, связанное с герметической философией и стяжанием жизни с небес.

Проблема заключается в том, что обе эти точки зрения, столь распространенные в историографии, можно поставить под сомнение. Кроме того, что тезис Панофского об исключительно теоретической трактовке *ars* и неприятии «техне» у Фичино опровергается источниками – Фичино в самом деле считал искусства полезными для души и призывал посвящать свое время художественным практикам, прежде всего музыке, – он касается важной методологической проблемы, о которой исследователи нередко забывают. В большинстве случаев у нас нет никаких подтвержденных данных, что художники эпохи Возрождения действительно читали «Комментарий на “Пир” Платона, о Любви» Фичино и каким-либо образом опирались в своих иконографических решениях на это сочинение. Сам метод, основывающийся на поиске аналогий между текстом трактата Фичино и художественными произведениями конца XV–XVI веков, ретроспективен и построен на попытке найти ответ на уже решенную задачу.

Необходимо также не забывать о трех существенных факторах бытования трактата Фичино. Во-первых, он представляет собой сложное философское сочинение, не слишком доступное неподготовленному читателю: даже несмотря на сделанный самим Фичино итальянский перевод «Комментария», ввиду сложной фактуры текста число его читателей все равно было ограничено. Во-вторых, хотя в конце XV – начале XVI века в среде европейских интеллектуалов «Комментарий» был хорошо известен, ему приходилось конкурировать с другими сочинениями сходного жанра и содержания, например с популярнейшими «Диалогами о любви» Леоне Эбрео, в течение XVI века переиздававшимися 25 раз и переведенными на основные европейские языки¹. Наконец, как будет показано ниже, неоплатоническая теория любви не была главной темой «Комментария» Фичино – и его современники это осознавали.

Таким образом, тезис Панофского, очевидно, нуждается в пересмотре. Не менее уязвима для критики интерпретация, согласно которой в основе *ars* и «техне» Фичино лежат магия и герметическая традиция. Сложно

¹ *Canon E. Introduzione // Ebreo L. Dialoghi d'amore / A cura di D. Giovannozzi. Roma; Bari: Laterza, 2008. P. XVIII–XIX; Cipam K. История средневековой еврейской философии / Пер. Т. Баскаковой. М.: Мосты культуры, 2003. С. 595.*

найти книгу столь выдающуюся, сколь и, одновременно, противоречивую, как работа Ф.А. Йейтс о Джордано Бруно и герметической традиции. Кажется, что в ней все давно пересмотрено, включая главный тезис – о преимущественно герметическом характере философии великого Ноланца и влиянии герметизма на историю науки¹; тем не менее она по-прежнему остается одной из самых востребованных книг по истории ренессансной магии, а отдельные пассажи из нее все так же служат обоснованием для тех или иных выводов о месте астрологии, алхимии, герметизма и прочих оккультных наук в эпоху Возрождения. Мы не будем останавливаться на многочисленных шероховатостях книги Йейтс и всего лишь отошлем интересующегося читателя к работам, специально рассматривающим магику-герметические «перегибы» в интерпретации, например, творчества Джованни Пико делла Мирандола² и Корнелия Агриппы³; правда, без краткого анализа того, как Йейтс понимает натуральную магию Фичино, нам не обойтись. В главе, специально посвященной магии Фичино и его трактату «О жизни», Йейтс выражает уверенность, что герметическая традиция была центральным элементом мысли Фичино; более того, по словам Йейтс, сама последовательность переводов Фичино – сперва Герметический корпус, а затем Платон, Плотин и другие неоплатоники – говорит о том, что для флорентийца в иерархии «древних теологов» Гермес был не просто древнейшей, но важнейшей фигурой⁴.

¹ Некоторые примеры: *Westman R. Magical Reform and Astronomical Reform: the Yates Thesis Reconsidered // Hermeticism and the Scientific Revolution / Ed. R. Westman and J.E. McGuire. Los Angeles: University of California Press, 1977. P. 2–91; Copenhaver B. Natural Magic, Hermeticism, and Occultism in Early Modern Science // Reappraisals of the Scientific Revolution / Ed. D.C. Lindberg and R.S. Westman. Cambridge: Cambridge University Press, 1990. P. 261–301.* О космологии Бруно, никак специально не связанной с герметизмом, см., в частности: *Westman R.S. The Copernican Question. Prognostication, Skepticism, and Celestial Order. Berkeley; Los Angeles; London: University of California Press, 2011; Tessicini D. Giordano Bruno on Copernican Harmony, Circular Uniformity and Spiral Motions // Unifying Heaven and Earth. Essays in the History of Early Modern Cosmology / Ed. M.A. Granada, P.J. Boner and D. Tessicini. Barcelona: Universitat de Barcelona Edicions, 2016. P. 117–157.*

² *Farmer S.A. Syncretism in the West: Pico's 900 Theses (1486). P. 115–132.*

³ В своей книге Йейтс называет Агриппу автором «банального трактата, не являющегося основным философским трудом» (*Йейтс Ф.А. Джордано Бруно и герметическая традиция. С. 125*). Тем не менее последние исследования доказывают, что творчество Агриппы не столь банально, как это может показаться. В частности, Агриппа стоял у истоков возрождения скептической традиции, что, вероятнее всего, отразилось и в его трактате «Об оккультной философии». Поэтому пренебрежительное отношение к Агриппе, столь свойственное Йейтс, попросту неуместно: *Agrippa von Nettesheim H.C. Dell'incertitudine e della vanità delle scienze / A cura di T. Provvidera. Torino: Aragno, 2004; Zambelli P. White Magic, Black Magic in the European Renaissance. Leiden; Boston: Brill, 2007. P. 115–182; Perrone Compagni V. Tutius ignorare quam scire: Cornelius Agrippa and Scepticism // Renaissance Scepticisms / Ed. G. Paganini and J.R. Maia Neto. Dordrecht: Springer, 2009. P. 91–110.*

⁴ *Йейтс Ф.А. Джордано Бруно и герметическая традиция. С. 56–59.*

Йейтс отбрасывает в сторону не вписывающиеся в ее систему факты, что Фичино первым «древним теологом» поставил Зороастра, а до перевода Гермеса работал над многими другими магическими, неоплатоническими и теургическими текстами¹. Но, главное, она и сторонники магического *ars* у Фичино почему-то упускают из виду, что между выходом в свет перевода Герметического свода и трактатом «О жизни» прошло 25 лет. В течение четверти века Фичино, отличавшийся невероятной работоспособностью, не отдыхал: за эти годы он подготовил к печати весь Платоновский корпус (1484), в рекордные сроки – всего за 22 месяца² – перевел «Эннеады», написал целый ряд собственных сочинений, в том числе фундаментальные трактаты – «О христианской религии» (закончен в 1474) и «Платоновское богословие о бессмертии душ» (первый вариант закончен в 1474 году, окончательная версия опубликована в 1482 году). Никаких значимых следов герметизма в этих трудах нет. Эпизодические отсылки к наследию Гермеса не должны вводить нас в заблуждение: Фичино действительно считал Гермеса, наряду с Зороастром, Орфеем и Пифагором, одним из «древних теологов», предшествовавших христианскому богословию, но никак специально не выделял его из числа этих полумифических фигур.

Более того, предполагалось, что трактат «О жизни», законченный в 1489 году, станет комментарием к одному из фрагментов «Эннеад» Плотина, над переводом которых Фичино в тот момент работал³. Одновременно он переводил другой влиятельнейший неоплатонический трактат, «О египетских мистериях» Яввлиха. Несмотря на то, что публикации «Египетских мистерий» пришлось ждать долгих восемь лет, сам перевод был готов уже к началу 1489 года⁴. Обширный комментарий Фичино

¹ Вкратце о последовательности переводов «древних теологов» и самой концепции *prisca theologia* см. в: Акопян О.Л. Платон и Ренессанс: «древняя теология» и примирение с Аристотелем. С. 324–329.

² Toussaint S. Introduction // Plotini Opera omnia. Cum latina Marsilii Ficini interpretatione et commentatione. Fac-similé de l'édition de Bâle, Pietro Perna, 1580 / Éd S. Toussaint. Villiers-sur-Marne: Phénix, 2005. P. I–II.

³ Хотя перевод «Эннеад» был готов уже к 1486 году, на протяжении последующих шести лет Фичино продолжал улучшать свой текст. Поэтому первый латинский перевод Плотина увидел свет только в 1492 году. Об истории работы Фичино над «Эннеадами» см.: Saffrey H.D. Florence, 1492: The Reappearance of Plotinus // Renaissance Quarterly. 49. 3. 1996. P. 488–508; Förstel C. Marsilio Ficino e il Parigino greco 1816 di Plotino // Marsilio Ficino: fonti, testi, fortuna. P. 65–88; Wolters A.M. The First Draft of Ficino's Translation of Plotinus // Marsilio Ficino e il ritorno di Platone. Vol. 1. P. 305–329.

⁴ Kristeller P.O. Supplementum Ficinianum. 2 vols. Firenze: Olschki, 1937. Vol. 1. P. CXXXII–CXXXIV. Общий анализ текста: Giglioli G. Theurgy and Philosophy in Marsilio Ficino's Paraphrase of Iamblichus's *De Mysteriis Aegyptiorum* // Rinascimento. 52. 2012 [2014]. P. 3–36. Сам текст опубликован в: Iamblichus. De Mysteriis Aegyptiorum, Chaldaeorum, Assyriorum Marsilio Ficino interprete // Giamblico. I misteri egiziani / A cura di A.R. Sodano. Milano: Bompiani, 2013. P. 539–634.

к этому трактату представляет собой сильно христианизированный текст, весьма далекий от теургического и пропитанного магией оригинала. Как убедительно показал Брайан Копенхейвер, наряду с Плотиним именно Ямвлих, а не Гермес, послужил одним из двух новых источников магических спекуляций в трактате «О жизни»¹; третьим же источником стала средневековая медико-астрологическая традиция, уделявшая особое внимание производству талисманов: блестящая 900-страничная работа Никола Вейль-Паро прекрасно раскрывает средневековые истоки талисманной магии Фичино, о которой современные комментаторы нередко предпочитают забыть².

Из всего этого нетрудно сделать вывод, что за *artifex interior* Фичино стоит не только и не столько герметическая философия. Для того же чтобы понять, каковы основания эстетики Фичино, нам следует вернуться к «Комментарию на “Пир” Платона, о Любви», а точнее – к ключевому пассажиру из третьей главы первой книги этого трактата.

Здесь он говорит: «Возникающий огонь мы называем возрастанием любви, приближение – порывом любви, оформление – ее совершенством. Совокупность всех форм и идей мы называем по-латински *mundus*, а по-гречески космос, то есть упорядоченный мир. Прелесть этого мира и порядка – красота, к которой народившаяся любовь склоняла и увлекала ум; ум, раньше бесформенный, – к этому же самому, но уже прекрасному уму. Поэтому свойство любви заключается в том, что она влечет к красоте и соединяет прекрасное с безобразным». За управление этим миром ответственны три *substantiae*, преобразовывающие хаос в порядок: «Три, стало быть, существует мира, и хаоса – три. Любовь во всех них сопровождает хаос, предшествует миру, недвижимое приводит в движение, освещает тьму, оживляет мертвое, дает форму бесформенному, несовершенному – совершенность»³. Не так сложно догадаться,

¹ Copenhaver B. Iamblichus, Synesius and the Chaldaean Oracles in Marsilio Ficino's *De vita libri tres*: Hermetic Magic or Neoplatonic Magic? // *Supplementum Festivum. Studies in Honor of Paul Oskar Kristeller* / Ed. J. Hankins, J. Monfasani and F. Purnell, Jr. Binghamton. New York: Medieval and Renaissance Texts and Studies, 1987. P. 441–455; *Idem*. Renaissance Magic and Neoplatonic Philosophy: 'Ennead' 4.3–5 in Ficino's 'De vita coelitus comparanda' // *Marsilio Ficino e il ritorno di Platone*. Vol. 2. P. 351–369.

² См. выше сноску 4 на с. 119.

³ «Incendium sequens, amoris dicimus incrementum. Appropinquationem, amoris impetum. Formationem, amoris perfectionem. Formarum omnium idearumque complexionem, mundum Latine, Grece κόσμος, id est, ornamentum vocamus. Huius mundi et ornamenti gratia pulchritudo est, ad quam amor ille statim natus traxit mentem atque perduxit, mentem ante deformem ad mentem eandem deinde formosam. Ideo amoris conditio est, ut ad pulchritudinem rapiat ac deformem formoso coniungat... Tres igitur mundi, tria et chaos. In omnibus denique amor chaos comitatur, precedit mundum, torpentia suscitatur, obscura illuminat, vivificat mortua, format informia, perficit imperfecta» (*Ficin M. Commentaire sur le Banquet de Platon, de l'amour. Commentarium in Convivium Platonis, de amore* / Éd. P. Laurens. Paris: Les belles lettres, 2012. I. 3. P. 13–15). Весьма яркий пример того, как Фичино

что Фичино понимает под традиционным термином латинского богословия *substantia* (по-гречески «ипостась») – речь, разумеется, идет не о платонической любви. Этот короткий, но важнейший фрагмент предельно ясно показывает, что «Комментарий на “Пир” Платона, о Любви» не имеет ничего общего с любовью, Эротом и другими образами, которые с такой охотой в нем ищут; это в действительности текст о второй ипостаси – Христе. Точно так же дело обстоит с двумя другими хорошо известными трактатами Фичино – «О Солнце» и «О свете» (1492): хотя их традиционно связывают с астрологической символикой и неоплатонической теорией света, в их центре находится Свет – тот же Христос¹. Кроме того, как остроумно заметил Дилвин Нокс, в «Комментарии» Фичино оформляет свою мысль очень изящно: в третьей главе первой книги, то есть в 1.3, Фичино говорит о Трех в Одним, делая тем самым отсылку к богословию Троицы². Нетрудно сделать следующий вывод: поскольку в основе всего дискурса Фичино о прекрасном лежат две важнейшие категории – любовь и свет, – которые всецело ассоциируются со второй ипостасью, Христом, все последующие рассуждения об *ars*, «техне» и эстетике у Фичино должны исходить из его христологического тезиса. Недаром «Комментарий» был одним из всего лишь двух трактатов, которые Фичино лично перевел на итальянский язык. Вторым, как это ни

соединяет христианское богословие Троицы с неоплатоническими мотивами: «Tres apud eos mundi sunt, tria itidem chaos erunt. Primum omnium est deus, universorum auctor, quod ipsum bonum dicimus. Hic mentem primo creat angelicam, deinde mundi huius animam, ut Plato vult, postremo mundi corpus. Summum illum deum, non mundum dicimus, quia mundus ornamentum significat ex multis compositum. Ille vero penitus simplex esse debet, sed mundorum omnium principium atque finem ipsum asserimus. Mens angelica primus mundus est a deo factus. Secundus universi corporis anima. Tertius, tota hec quam cernimus machina. In his utique mundis tribus, tria et chaos considerantur. Principio deus mentis illius creat substantiam, quam etiam essentiam nominamus» (Ibid. P. 11). Характерно, что сам термин *substantia* применяется исключительно ко второй ипостаси, то есть Христу; слово же *principio*, первое слово Книги Бытия, и пассаж о «бесформенной и темной сущности» («hec in primo illo creationis sue momento informis est et obscura», ср. с Вульгатой: «terra autem erat inanis et vacua et tenebrae super faciem abyssi et spiritus Dei ferebatur super aquas») служат прямой отсылкой к истории сотворения мира триединым Богом. Русский перевод (Фичино М. Комментарий на «Пир» Платона, о Любви. С. 146–147) всецело ориентируется на неоплатоническое прочтение теории любви. Свидетельством этому служит хотя бы то, что слово *atog* практически везде передается как «Эрот», тем самым искажая первоначальный смысл слов самого Фичино.

¹ Трактат «О Солнце» доступен в русском переводе: Фичино М. Книга о Солнце к великодушному Пьеро де' Медичи / Пер. О.Л. Акопяна // Платоновские исследования. 1. 2014. С. 455–485.

² Я благодарен профессору Ноксу за то, что он указал мне на эту интересную деталь, и за то, что вместе с Валери Рис и Майклом Алленом ввел меня в увлекательный мир теологии Фичино. В данный момент профессор Нокс готовит к печати новое двуязычное издание «Комментария к “Пиру” Платона» для «I Tatti Renaissance Library».

странно, стал трактат «О христианской религии»¹. Наконец, нам известно, что современники Фичино считывали теологические смыслы «Комментария на “Пир” Платона»: об этом свидетельствуют, например, «Три книги о Любви» поклонника творчества Фичино Франческо Каттани да Дьяччето, где в соответствующей главе 1.3 повторяются рассуждения о светоносной ипостаси².

В заключение мне приходится сказать, что Фичино стал жертвой устремления создавать большие и громоздкие конструкты, искусствоведческие, философские, исторические. Желание вписать Фичино в ту или иную будто бы целостную картину неизбежно наталкивается на сопротивление. Не стоит ли наконец отказаться от подобных обобщений и вернуться к нему самому, к меланхоличному затворнику дома в Кареджи?

¹ Фичино подготовил два варианта трактата – на латыни и в собственном итальянском переводе. Итальянская версия была опубликована раньше, в 1475 году; латинский текст появился годом спустя: *Vasoli C. Quasi sit deus. Studi su Marsilio Ficino*. Lecce: Conte, 1999. P. 120. О трактате см. прежде всего: *Edelheit A. Ficino, Pico, and Savonarola: The Evolution of Humanist Theology*. 1461/2–1498. Leiden, Boston: Brill, 2008. P. 205–277. В данный момент я готовлю издание этого трактата и его перевод на русский язык.

² *Cattani da Diacceto F. I tre libri d'amore*. Venezia: Gabriel Giolito de' Ferrari, 1561. I. 3. P. 20–24.